

# Константин Комаров



**Комаров Константин Маркович** родился 15.03.1988 в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (бывш. – УрГУ им. А.М. Горького). Автор литературно-критических статей в журналах «Урал», «Вопросы литературы» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Вошёл в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «эссеистика» (2010). Участник форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010, 2011). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Бельские просторы», других журналах, сборниках и альманахах, на сетевом портале «Мегалит». Автор трёх сборников стихов. Последний по времени – «От времени вдогонку» (Екатеринбург, 2012, 500 экз.). Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Сфера научных интересов – творчество В. Маяковского, поэзия Серебряного века, современная литература. Член Союза российских писателей. Участник АСУП-3. Живёт и работает в Екатеринбурге.

## Филологическая маркировка стихов К.К.

**Традиции, направления, течения:** модернизм, постакмеизм, постмодернизм, постконцептуализм.

**Основные имена влияния, переклички:** А. Блок, И. Бродский, Л. Губанов, Б. Рыжий.

**Основные формальные приемы, используемые автором:** автобиографизм, авторефлексия, ирония и самоирония, аллегоризм, метатекст, интертекст.

**Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы:** время, отношения, одиночество, пустота, тишина, душа, снег, быт, ангелы, смерть, алкоголь, творчество, поэзия, слово, поэт.

**Творческая стратегия:** поиск идентичности, эстетическая оппозиция быту.

**Коэффициент присутствия:** 0,72

## АВТОБИОГРАФИЯ

В любой автобиографии есть элемент исповеди. На этот до боли белый свет я появился в середине марта 1988 года – в год триумфа наших футболистов и сумасшедшего гола Ван Бастена Дасаеву с нулевого угла. Видимо, поэтому питаю слабость к футболу, сумасшествию и нулевым углам. А восьмерки (в любых своих проявлениях, в т.ч. на боку) с тех пор сопутствуют мне по жизни. Короче, попал в ситуацию ирреального, иррационального, избыточного, изматывающего и иллюстративного бытия.

Воспитывался женщинами (мамой и бабушкой), ибо сразу после моего рождения отец ушел в неизвестном (да и неинтересном мне) направлении, оставив мне на генетическом уровне страсть всё к тому же футболу, прискорбную любовь к алкоголю, неплохое чувство юмора, а также кое-чего (немного) истинно еврейского в поведении. Впрочем, в генетику я верю гораздо меньше, чем в Жана-Поля Сартра и его роман «Тошнота», например.

Бабушка моя родом из-под Питера, пережила войну, пересидела почти всю блокаду, не только воспитав в себе кремнёвый нравственный стержень,



Бабушка, Комарова Вера Петровна



Мама, Валентина Алексеевна (1948–2005)

но и сохранив мягкость, чуткость, добросердечность, житейскую мудрость. Мама всегда виделась мне русским интеллигентом в полном смысле этого слова. Будучи инженером-диспетчером по образованию, она страстно увлекалась литературой, много мне читала, много говорила со мной о прочитанном и о передуманном, что при её рабочей загруженности за нищенскую зарплату можно считать подвигом. От неё всегда исходил немисливо спокойный, мягкий пластичный свет, в лучах которого мне повезло купаться всё детство и юность. Потерял маму в 17 лет, и высверливающая с тех пор меня насквозь боль-память парадоксальным образом позволяет не сдохнуть и жить за неё и для неё, сохраняя в чистоте и неприкосновенности её – живую! – в себе.

Боль спасительна, в страдании есть идея. Мне слишком часто по делу и не по делу больно. Тонкокожесть.

Бабушка жива, и вот уже семь лет остаётся для меня самым близким и родным человеком. Всем лучшим и подлинным в себе я обязан этим двум женщинам.

Лет до 15-ти был вполне обыкновенным ребенком, свято верил, что знания о процессах размножения кольчатых червей помогут мне в жизни, а свободное время делил между лазанием по всем близлежащим деревьям, жаркими футбольными баталиями и книгами, которые быстро стали для меня во многом реальной реальностью – стали залогом целостности и глубины моего бытия и по сию пору этого качества не утратили. Из безмятежного детства особенно запомнились три – «При-

ключения Гвоздика», «Академия пана Кляксы» и сказки Гауфа.

Подвижки начались класса с 8-го, когда меня перестала удовлетворять только россыпь пятерок по литературе, а стала всерьёз интересоваться «подкладка» прочитанного. Примерно в то же время кое-что стало кропаться. Всё подобное пожжено и утеряно. Но однажды – как сейчас помню – на уроке алгебры, помирая от тоски, записал я на последней странице тетрадки такое: «На небо слили бочку дёгтя, а может, это был мазут, лучами острыми, как локти, по небу звёзды проползут, и в воздух, пахнувший редиской, пролив промасленный свой свет, слепой прожектор лунодиска нечаянно сойдёт на нет». С этого момента, видимо, я начался как поэт, проникся вольной игрой ассоциаций, волшебством столкновения, сочленения, соития слов, образов и смыслов. Я с ходу воспринял стихи как «колоссальный ускоритель сознания» (а потом уже нашел о том у Бродского), позволяющий предельно уплотнять и одновременно универсализировать и индивидуализировать мысль и эмоцию с перспективой взрыва-уничтожения скучного человеческого времени. Не устаю, правда, убеждаться в правоте пастернаковского «О, знал бы я, что так бывает...», однако нефилтрованного и в чем-то мазохистского кайфа от стихописания это не отменяет. Как сказал Хармс, «единственная, достойная человека цель жизни – обретение личного бессмертия». Я вижу тут два пути – поэзия (в широком смысле её) и любовь. Тот же Хармс говорил, что стихи надо писать так, чтобы если бросить их в стекло, – стекло бы разбилось. Тоже был прав.

Кстати о любви. После того, как лет в 8 у меня в деревне случился бесшабашный роман с одной роковой черноволосой красавицей, эта тема меня как-то не особенно интересовала класса до 9-го. Потом она опять актуализировалась, и, дабы доказать своей новой избраннице силу своего чувства, я решил сигануть вниз со скалы (экстрим всегда был мне близок в самых разных его проявлениях) не с целью убиться, а надеясь приземлиться на присмотренный уступчик и тем её восхитить. За секунду полёта я понял, что уступчик гораздо меньше, чем я предполагал, приземлился на его край, буквально завис над пропастью, но перекачнулся в правильную сторону. Видимо, кто-то меня хранит, ибо помимо этого я и тонул, и под берцы скинхедов попадал и т.д. и т.п. Но то ощущение «над пропастью» временами вновь посещает меня, и связаны эти моменты всегда с поэзией и только с нею – родимой и гибельной.

Потом всё завертелось. Запрягал, по русскому обыкновению, долго, но поехал быстро. О метафизике алкоголя в моей жизни можно расписывать долго, ограничусь, однако, банальными, но

честными словами: это не более (и не менее) чем обезболивающее для души – уязвимой, чуткой и остро (буквально гемофилически) реагирующей на цветущие вокруг пышным цветом мелочность, тупость, лживость, поверхностность, лицемерие и прочую мерзость. Плюс расширитель трехмерного пространства, в котором всегда тесно. Романтик во мне никуда и никогда не пропал. Дела «карьерные» (хотя я искренне презираю всё, что связано с карьерой, социализацией и проч. в узком смысле достижения успеха, «положения» и т.д. – всё это всегда мне казалось мелким, убогим и бессмысленным) тоже двигались неплохо. Благодаря, в основном, своей феноменальной памяти (даже сейчас помню сотни стихов) и азарту (другие могут, а я чем хуже) я стал одну за другой брать олимпиады по литературе – вплоть до Всероссийской, благодаря победе на которой не только прославил родную школу (отплатившую мне серебряной медалькой), но и поступил на бюджет на все филфаки страны, однако, гордо проигнорировал и Москву и Питер, о чём (помимо периодов острых депрессий) – не жалею. На той же Всероссийской олимпиаде встретилась мне первая уже совсем настоящая любовь, с чего и началась череда моих странных, безумных, угловатых и непонятных романов, общую суть которых, вкратце, можно определить словами той самой первой настоящей: «Влюбиться в тебя легко, но любить невозможно». Действительно, в «отношениях» я крайне неудобен, но ключевые подробности моих бритвенных прохождений (придуманных и реальных) по женским сердцам отражены в стихах, и в этом смысле я спокоен. Всё, что в стихах (настоящих), – то не пропадёт. А так – «Я бы всех в любви моей выкупал, да в дома обнесён океан её» (Маяковский).

В Маяковского я безоглядно влюбился примерно тогда же – в старших классах (причём пришёл к нему не с раннего эпатажа, а с поэмы «Владимир Ильич Ленин»), с тех пор он кипятком переливается снизу вверх в моём изогнутом в вопросительный знак сколиозом (благодаря которому меня, кстати, не взяли в доблестную Российскую армию на единственно пригодную там для меня должность штабного писаря) позвоночнике. Именно о нём я писал и пишу все свои научные филологические работы и не позволю себе сдохнуть, пока не напишу о нём достойную книгу. Именно его «лирика спинного мозга» стала для меня рабочим ориентиром в поэзии – непосредственно действенное, прямое, физически плотное высказывание (при полном, естественно, осознании того, что подражание Маяковскому – творческое самоубийство). «После чтения Маяковского надо много есть, восстанавливая силы», – сказала Цветаева. Хочется, чтобы после моих стихов, как



после стихов Маяковского, люди шли опустошать холодильники, ибо затратили много физической энергии. Чтобы для них мои стихи были столь же – физически! – энергозатратными, как и для меня.

К концу 11-го класса начался период прыгания по экзистенциальным болотным кочкам, зависания в пространственных пустотах, барахтания в бытийственных воздушных ямах и шатания по метафизическим ебням. Что касается внешней канвы, то 6 лет на филфаке УрГУ прошли достаточно бодро. Прочитано, передумано, пережито было немало – но большей частью втуне. Филологию я всегда рассматривал в первоначальном её значении – как любовь к слову. Не как науку или профессию, а как состояние души. Поэтому за годы учёбы таких «влюблённостей» было немало (и античность, и классика, и европейский модернизм, и Серебряный век, в который я влюбился еще в школе) да и просто на филфаке я узрел со всевозможных ракурсов подноготную художественного слова и образа, чему не перестаю радоваться и посейчас, искренне печалюсь, правда, что в свете недавнего «объединения» (читай – рейдерского захвата) с УПИ – филология в моём родном и уже несуществующем университете выполота практически на корню. Неразрывно связано студенческое время со встречным на филфаке (который он вскоре покинул) и ставшим моим лучшим другом поэтом Лёшей Котельниковым, в общении с которым формулировались и выкристаллизовывались многие важные для меня вещи. Где-то курс на третьем



К.К., 2012 г.

я поймал себя на желании писать не только стихи, но и о стихах, и вообще о литературе – так началось моё сотрудничество с журналом «Урал», который ныне, безусловно, является одним из самых серьезных «толстяков» в России и которому я очень благодарен за предоставление площадки для высказывания. Совмещать ипостаси критика и филолога с поэтической достаточно тяжело, но это приятная тяжесть, позволяющая чувствовать свой универсализм и определённую весомость своего слова.

Публиковался достаточно много. Поездил по разнообразным фестивалям, совещаниям, писательским семинарам. Недавно издал книгу стихов «От времени вдогонку», в которую вложено много души, крови и нерва и которой я доволен, ибо отчеркнул старую поэтику и прочно встал на путь её модернизации и углубления. Не буду кривить душой – публикации, резонанс всегда приятны. Это выход к читателю, это «статусность» и проч. Определенный пиетет к «толстым» журналам во мне неизменен. Но никто не отменял ведь и Александра Блока, сказавшего: «Поэт, задумавшийся о читателе, перестает быть поэтом». Занятие какого-то места в литературном процессе никогда не было для меня самоцелью, ибо я уверен, что жизнь дает человеку возможность состояться только в одном – либо внешнем, либо внутреннем. Я давно и навсегда выбрал внутреннее, хотя и от явленности миру и от периодического выбрасывания себя в него никогда не отрекался и противоречия здесь не вижу. Поэтому основные для меня сюжеты происходят в моем странноватом (бес)сознании и в пресловутом внутреннем мире. Я – тот ещё эгоцентрик и интроверт, очень ценю одиночество и личностную свободу и не особо склонен угнетать собой людей (хотя это происходит, к сожалению, частенько, но я стараюсь

не требовать от людей больше, чем сам могу им дать). У меня есть небольшой круг друзей, в которых я уверен (все поэты, разумеется), достаточно добрых знакомых, определённая аудитория, некоторые перспективы, подлинная трагедийность существования и сумасшедшая, нервическая – сотканная из тысяч и тысяч противоречий (цинизм и сентиментальность, эпикурейство и «смертостроительство» и т.п.) и парадоксов гармония и целостность бытия. Мизантропия, перманентные проблемы со здоровьем и постоянные нелады с личной жизнью – всё на месте. Это ещё любимейшая Цветаева изрекла – «Как по канату и как на свет, слепо и без возврата. Ибо раз голос тебе, поэт, дан – остальное взято». И она же: «Поэт издалека заводит речь, поэта далеко заводит речь». По-настоящему плохо только когда начинаешь сомневаться в голосе, тогда всё, что пишешь, кажется случайным и проходным.

В общем, ныне я позволяю себе сибаритствовать, драматизируя всё, что можно драматизировать, лелея внутреннюю свободу и надежду когда-нибудь выйти поэтическим словом в те пространства, где всё будет совсем хорошо, страшно, прекрасно и предельно – примерно как в «Каменских элегиях» бесконечно мной уважаемого старшего современника, земляка и друга Юрия Казарина.

Лень, разгильдяйство, разорванность мышления, эгоизм, пьянство, безбытность, бесприютность, неприкаянность, неразборчивость, избыточность – это ладно. А вообще – в силу объективных (меньше) и субъективных (больше) причин – человек я страшный, искривлённый, квазилишний и сумрачный, с эдакой дostoевской «подпольщиной». Посему людям (говорю безо всякого кокетства) стоит держаться от меня подальше. Себе дороже выйдет.